

Рождественскій номеръ.

Декабрь.

РУДИНЪ

№ 3.

Б.Л.

Цѣна 20 к. На ст. жел. дор. и въ провинціи 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ:

М. ЛАРИНЪ	Сатурналіи	ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ	Дождь послѣ засухи (стихотв.)
ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ	Зной (стихотв.)	М. А. РЕЙСНЕРЪ	Н. Н. Евреиновъ и „театральность“
ГЕОРГІЙ МАСЛОВЪ	Ямбу (стихотв.)	ВЛАДИМИРЪ ВЛОБИНЪ	Изъ моей лирики
Р. ВЛАСТА	Снѣгъ	РИКИ-ТИКИ-ТАВИ	Изъ огня да въ полымя
ВЛАДИМИРЪ ЗЛОБИНЪ	Мудрецы (стихотвор.)	В. В. СВЯТЛОВСКІЙ	Старость (стихотв.)
М. А. РЕЙСНЕРЪ	Безстыдникъ	П. ЕЗЕРСКІЙ	Спите спокойно
БОРИСЪ САДОВСКОЙ	Стихотвореніе		

ОБЛОЖКА	Е. Праведникова.
КАРРИКАТУРЫ	Д. Топикова.
ЗАСТАВКИ и РИСУНКИ	С. Н. Грузенберга, Е. Праведникова, Л. Н. Пѣтухова и М. Ф. Нечитайло-Андреевко.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Альтшулера, Фонтанка 96

1915.

М. ЛАРИНЪ.

Сатурналии.

Въ средніе вѣка писались удивительные трактаты: какъ размножались-бы люди, еслибы не было грѣхопаденія, какого пола ангелы и т. п.

Среди нихъ монахъ Imaginarius написалъ книгу „De sanctitate innocentiae bestiarum atque animalium“—т. е. о святости и невинности звѣрей и животныхъ.

Въ ней онъ, остроумно отдѣляя бестій, сирѣчь животныхъ хищныхъ, отъ domestikовъ, они-же животныя домашнія, и предполагая, что, хоть послѣднія соблюдаютъ всю жизнь строгій постъ и несутъ великія послушанія, но въ царство небесное какъ некрещеныя не попадутъ.

Въ нашъ вѣкъ ученые думаютъ иначе. Ибо звѣри—первые мистики, носители великаго, первобытнаго инстинкта, внутренняго вѣкового знанія.

И чѣмъ ближе къ животному, тѣмъ мистичнѣе и святѣе чловѣкъ, не вѣдающій, что творить, послушный слѣпому, въ крови живущему закону, играющій, какъ стихія, умирающій какъ животное.

Когда древніе люди праздновали свое рождество—дни сатурналій—они на время, сначала на одинъ, три, а потомъ и семь дней погружались въ святую животность!

Воскрешали царство Сатурна и Афродиты!

Объ этомъ вѣкѣ были налицо, конечно, самыя точныя свѣдѣнія. Главными источниками были поэты. Они установили даже цѣлую теорію развитія. По сказанію Гесіода было пять вѣковъ, а по ученію Овидія цѣлыхъ четыре постепенной порчи чловѣчества. Но у обоихъ поэтовъ первымъ былъ вѣкъ золотой, а послѣднимъ желѣзный!

Золотой вѣкъ! Онъ отличался двумя чертами: во-первыхъ люди еще были блаженно глупы, вторыхъ за это любила ихъ столь же-безсмысленная, но щедрая природа.

Это былъ вѣкъ другого ума, внутренняго, духовнаго, открытаго нынче дѣтямъ и безумнымъ. Того ума, который движетъ янтарные соки въ виноградной лозѣ, стремитъ голубя къ голубкѣ, сливаетъ въ одной игрѣ мерцающую на закатѣ звѣзду и радость ребенка!

Я-бы лучше назвалъ вѣкъ отца отцовъ Сатурна, изначальнаго титана Кроноса, не только временемъ благодатной матери-Земли и нѣжной Афродиты—я бы назвалъ этотъ угасшій міръ—царствомъ невиннаго въ своемъ творческомъ хмѣлю Діониса.

О фантастическіе сказочные полуживотныя, полуллюди, сыны и дочери золотого вѣка!—Какими

розами вѣнчали васъ послѣдующія поколѣнія, зрячіе, умные и страдающіе сыны Прометея, увы, давшего огонь съ небесъ на пагубу людямъ!

Тогда еще не было ни разума, ни огня. Не было жгучей муки страданія, которая выгнала изъ темнаго лѣса лазящихъ полулюдей, спрятала ихъ въ пещеры, и бросила въ нечеловѣческую борьбу за существованіе съ холодомъ, тьмой, хищными звѣрями, человѣкомъ и молніей.

Тогда было непрестанное легкое, тихое лѣто. Тогда невоздѣланная земля колыхалась буйною нивой хлѣба. Тогда лѣса были фруктовымъ пьянющимъ садомъ. Тогда еще прятались въ тартаръ безмольныя, крадущіяся болѣзни.

Тогда... Былъ безмѣрно счастливъ о своемъ счастьи ничего не знающій человѣкъ! Равенство великой природы было равенствомъ человѣка, ибо не было разницы между богами, листьями, животными и человѣкомъ. Все было вмѣстѣ и звѣрское, и божеское, и человѣческое.

Тогда не было ни рабства, ни власти, ни государства, ни труда. Свобода вѣтра и зари, свобода камня и растенія, свобода танцующихъ, спящихъ, поющихъ, любящихъ. Свобода мечты необузданной, сливающей весь міръ въ фантазію дѣйствительности.

И миръ, миръ, миръ и любви! Любовь, подымающаяся на встрѣчу солнцу съ испареніями влажной, душистой земли, любовь, смѣющаяся всѣми цвѣтами вѣнчиковъ, чашечекъ и лепестковъ, любовь, въ великомъ экстазѣ рождающая мириады птенчиковъ и щенковъ, змѣнышей и человѣка!

Но послѣ золотого вѣка наступилъ мѣдный, а въ концѣ концовъ и желѣзный. И какъ разъ въ декабрь, 17-го числа, праздновалъ желѣзный ихъ желѣзныхъ Римъ свои сатурналіи, возрожденіе, воскрешеніе погибшаго рая.

На время падали рабскія цѣпи. Равнымъ господину становился клейменный рабъ съ проколотымъ ухомъ. Вмѣстѣ возлежали за пиромъ, вмѣстѣ безумствовали на улицахъ и площадяхъ, другъ друга осыпали подарками, и въ эти дни отсутствовало государство.

Дарили восковыя свѣчи, символъ тепла и свѣта, дѣлились орѣхами и яблоками съ райскаго дерева,

обмѣнивались глиняными куколками, памяткой мірового дѣтства, были добрыми, беззаботными, а прежде всего глупыми и счастливыми, какъ дѣти.

Мы уже не празднуемъ сатурналіи. Отъ нихъ остались ёлка для дѣтей, подарки для прислуги. Мы не вспоминаемъ великаго лѣснаго бога, Пана, мы гордо покоимся на законѣ искупленія.

Наши грѣхи, умъ и жестокость уже искупилъ Нѣкто.

По ученію индусовъ Агни—огонь, по преданію грековъ Гераклъ и Апполонъ, по сагѣ скандинавовъ Сигурдъ и Бальдуръ, по вѣрѣ древнихъ евреевъ Мессія.

Искуплены, а слѣдовательно спокойны. Мы не хотимъ больше сатурналіи, ибо ни на минуту не откажемся отъ нашего злого и хитраго ума, отъ кровожаднаго и лохматаго сердца.

И мы такъ дорожимъ нашимъ познаніемъ, —не столько добра, сколько зла. Предатели и лжецы, убійцы и кровосмѣсители, мы смѣемся надъ дикарской невинностью золотого вѣка и холодно рѣжемъ другъ друга.

Мы гнушаемся Дѣвы—правды, которая такъ тихо жила въ золотыхъ снахъ природой вспоеннаго рая, но прогнали отъ себя и другую, ту Прометееву правду—стыдливость, которая вмѣстѣ съ огнемъ была похищена у боговъ.

Мы можемъ быть такими, какими насъ находятъ стальное, электрическое и динамитное время. Мы искуплены. А потому долой сатурналіи и да здравствуютъ святки безъ святости, праздникъ безъ радости. Пусть пляшутъ дѣти вокругъ ёлки.

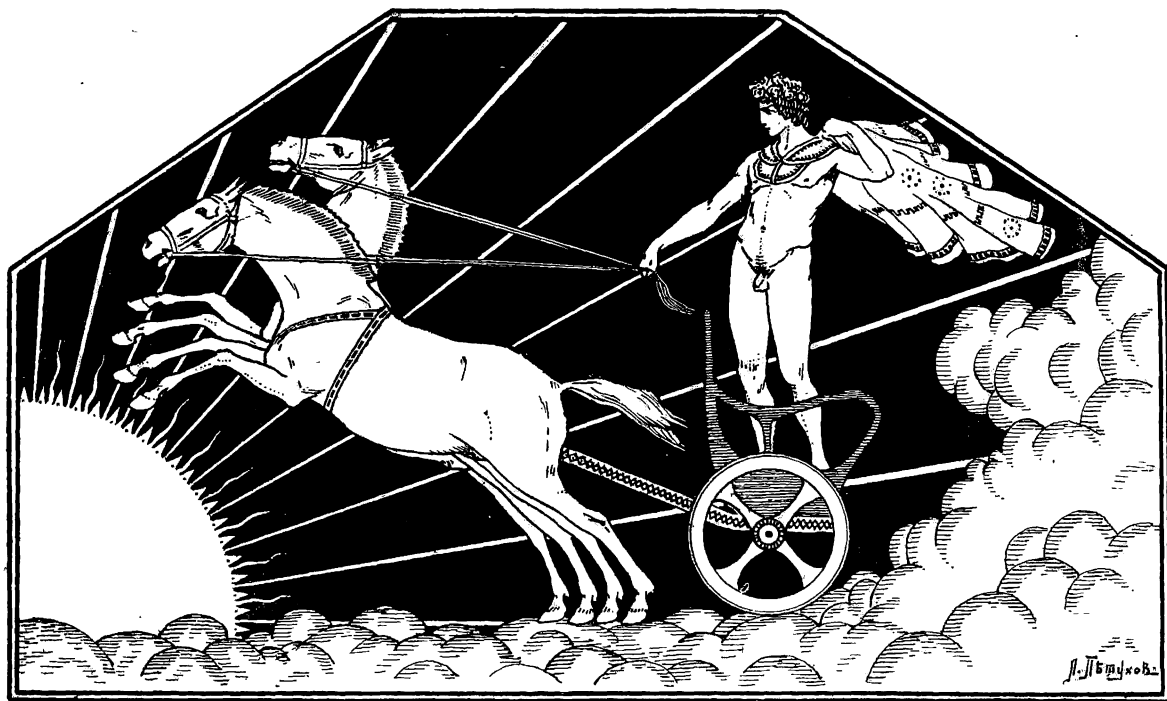
Да и дѣти наши умныя. Играютъ не глиняными куколками, а хитрыми, механическими игрушками, читаютъ раскрашенныя книжки не то Вербицкой, не то Чарской и ни капельки не вѣрятъ въ замерзающихъ мальчиковъ.

Пародія и каррикатура.

Я вѣрю, что разумъ найдетъ нѣчто лучшее; разумъ, слитый съ жизнью, обновленный Правдой и Красотою. Но ужъ если мы не умѣемъ быть людьми, то, право, было-бы лучше, если бы хоть на время сатурналіи стали свободными, другъ другу равными, любящими и мирными животными!

М. Ларинъ.

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ.

Зной.

О Фебъ, сожми узду въ протянутой ладони!
По золотымъ слѣдамъ пылающаго дня
Да повлекутъ тебя торжественные кони
На облачныхъ путяхъ копытами звеня.
Пусть рабъ порветъ, смѣясь, извѣчныя
вериги

Услышавъ мѣрный гулъ серебряной квад-
риги.

Неутолимый зной, мучительный и сладкій,
На землю да падетъ, какъ звонкая праща,
Немолчно-шумный лѣсъ заполнить украд-
кой

И тамъ рассыплется, на листьяхъ трепеща.

И вдругъ, забывъ слова стыдливости и гнѣва,
Приникнетъ къ юношѣ пылающая дѣва...
Еще, о, Гелиосъ, о царственный Зенитъ!
Благослови сады широко-грудой Гебы,
Благослови шафранъ ея живыхъ ланить,
На алтарѣ Твоемъ дымящіяся хлѣбы,
И пьяный виноградъ, и зрѣющія сливы,
Гдѣ жертвенный огонь свои прядетъ изгибы.

ГЕОРГІЙ МАСЛОВЪ.

Ямбу.

О, мой ямбу, звонконогій мой конь,
Непокорный рабамъ Буцефаль,
Я смогу укротить твой огонь,—
Я свободнымъ и дерзостнымъ сталъ!

Вдохновеннаго Пушкина несъ
Ты по темени дѣвственныхъ скалъ
И, въ вѣнкахъ изъ вакхическихъ розъ,
Подъ Языковымъ буйнымъ дрожаль,

Но, не согнутый вихрями лѣтъ,
Также ты непреклоненъ и гордъ,—
Былъ не разъ беззаботный поэтъ
Подъ твоими ногами простертъ.

Но прими отъ меня диѳирамбъ,
Кто бъ изъ насъ побѣжденнымъ ни сталъ,
О, мой конь, звонконогій мой ямбу,
Непокорный рабамъ Буцефаль!

Р. ВЛАСТА.

Снѣгъ.

„Войдите“, сказалъ Тихонъ Степановичъ и важно повернулъ голову на энергичный стукъ въ дверь, очевидно, одного изъ своихъ многочисленныхъ товарищей.

Хозяинъ и гость встрѣтились на серединѣ комнаты, и Горецкій торжественно вѣжливо пожалъ руку вошедшему Сергѣю Ивановичу Косимову.

Напрасно Косимова передернула эта подчеркнутая корректность со стороны хозяина... Она гнѣздилась совѣмъ не въ желаніи „поставить барьеръ между талантливымъ Тихономъ Степановичемъ и бездарнымъ Сергѣемъ Ивановичемъ“, какъ молниеносно вырѣшило сознание Косимова, пока онъ разгибалъ спину послѣ рукопожатія. Сергѣй Ивановичъ, конечно, ошибся...

Горецкій лишь съ недавнихъ поръ рѣшилъ стать „европейцемъ“... Его мать, отецъ, сестры, братья и онъ самъ жили, плодились, воспитывались и становились взрослыми людьми непоколебимо вѣря, и руководясь одной истиной: „человѣкъ человѣку—звѣры!“

Когда маленькаго Тихона привели въ городское училище, его звѣриная правда оказалась настолько крѣпкой, что Песталоцци, Ушинскій, Пироговъ, въ педагогическомъ исполненіи народнаго учителя, были безсильны что-либо смягчить или сгладить—все осталось попрежнему...

Пребываніе въ гимназіи помогло Тихону вырастить вокругъ сердца основательный и законченный частокъ, а на немъ уже къ окончанію курса среднихъ наукъ болталось нѣсколько молодыхъ головокъ гимназистокъ съ закрытыми глазами, да нѣкая вдова, несмотря на всѣ усилія воли, не могла снять съ колючаго частокола своего пораненнаго сердца...

По другую сторону торчала прострѣленная грудь городского; онъ преслѣдовалъ убѣгавшаго Тихона во время какой-то сходки въ лѣсу...

Съ этимъ психическимъ богатомъ Тихонъ вступилъ въ университетъ и очень гордился и охотно рассказывалъ всѣмъ о побѣжденномъ имъ „бабѣ“ и объ убитомъ городомъ... Голова Тихона и въ народной школѣ, и въ гимназіи, и въ университетѣ работала очень хорошо—онъ удивительно усваивалъ все то, что „надо“ знать, и никогда любопытство не мучило его по поводу того, чего знать не „рекомендовалось“... Въ университетѣ товарищи побаивались его, а съ нѣкоторыхъ поръ и сильно ему завидовали: профессоръ по каедрѣ энциклопедіи предложилъ Тихону остаться при университетѣ, для подготовки къ ученому званію.

Вотъ съ этихъ то поръ Тихонъ Степановичъ рѣшилъ быть джентельмэномъ и расточалъ въ изобиліи направо и налево вѣжливыя слова: „премногаго благодаренъ“, „не утруждайте себя“, „извиняюсь“, „весьма обяжете“, „радъ быть полезнымъ“, „позвольте вамъ помочь“... А съ его темнаго лица, несмотря на патенты отъ науки, мятущейся духъ не сорвалъ даже первой пелены рожденнаго звѣря. Странаніе и слезы за униженное человѣчество ни

разу не орошили его молодыхъ скулъ, и онъ попрежнему зіяли своей жестокостью. Стальная линія его рта рѣзала людей, и неоднократно дѣти и цѣты видѣли, какъ жабы, мокрицы и пявки падали изъ его рта, когда онъ говорилъ о женской любви, о женской тайнѣ... Люди, прислуга, приказчики, квартирныя хозяйки шарахались отъ каменной вѣжливости Горецкаго, а коллеги что-то подозрѣвали, тихонько мстили, но уважали: „Горецкій—человѣкъ сильный, знаетъ чего хочетъ, и не напрасно самъ проф. Вѣтвицкій оставилъ его при своей каедрѣ“.

— „Рассказывайте, Сергѣй Ивановичъ, что новаго въ мѣрѣ?—началъ занимать Горецкій гостя.—Я такъ былъ безумно занятъ въ послѣднее время... Вы знаете, вышла въ свѣтъ моя первая книга... Вотъ позвольте ее вамъ преподнести“. И Тихонъ Степановичъ взялъ одинъ экземпляръ только что родившейся книги и подаль Косимову.

Сергѣй Ивановичъ забылъ все дурное, что думалъ раньше про Тихона, и любовно вертѣлъ въ рукахъ книгу, большую, настоящую, ученую книгу написанную, Горецкимъ.

— „Поздравляю, отъ души поздравляю васъ, это рѣдкая и большая радость!“—искренними нотами прозвучалъ голосъ Сергѣя Ивановича...

Тихонъ Степановичъ взволнованно потиралъ руки и безразличнымъ голосомъ сказалъ:

„Да собственно тутъ и радоваться нечему: въ книгу вошли всѣ тѣ многочисленныя рефераты, которые я имѣлъ честь излагать въ пустыхъ аудиторіяхъ нашихъ уважаемыхъ профессоровъ. Весной будетъ проходить въ факультетѣ моя кандидатура для оставленія при университетѣ, и надо мужамъ науки

напомнить о себѣ... Ну, вотъ я собралъ все это въ кучу и признаюсь, не ожидалъ: вышло довольно внушительно.“

...Тихонъ остановился, видя, что Сергѣй Ивановичъ его не слушаетъ и внимательно пробѣгаетъ глазами какую то страницу... Онъ нагнулъся надъ Косимовымъ и заглянулъ:

— „Чѣмъ заинтересовались, collega?—а... мое почтительное посвященіе читаете?... Нельзя, какъ человѣкъ воспитанный и скромный долженъ былъ такъ написать“...

Косимовъ всталъ и улыбаясь попросилъ позволенія прочесть вслухъ заинтересовавшее его мѣсто... Тихонъ Степановичъ, косясь глазами, весело далъ свое согласіе... Сергѣй Ивановичъ, немножко кривляясь, сталъ громко и выразительно читать:

„Авторъ приноситъ свою глубочайшую благодарность за неустанно внимательное отношеніе къ себѣ и своему первому духовному дѣтищу, выразившееся въ рядѣ выдающихся и цѣнныхъ указаній со стороны высокочтимыхъ мною моихъ первыхъ наставниковъ-профессоровъ: С. П. Тренье, Ив. Ив. Кочелавскому и М. В. Вѣтвицкому, а также руководителей и членамъ кружковъ: „Философіи права“—М. В. Вѣтвицкому, „Соціологіи“—С. П. Тренье,

„Экономического кружка“—И. И. Вагаеву, „Философии государства“—С. О. Смирнову и „Угловых кружков“—Г. Я. Карьерцову, а также И. Г. Левенталю“.

Последнія слова съ хохотомъ и слюной вылетали изъ горла читавшаго, а Горецкій злобнымъ „хо-хо“ вызвалъ изъ гроба безсмертную фигуру Калибана.

Вытеревъ платкомъ глаза, Сергѣй Ивановичъ сразу сталъ серьезнымъ и вспомнилъ, что пришелъ къ Горецкому по дѣлу: просить принять участіе въ преніяхъ по реферату, который прочтетъ дѣвушка съ голубыми глазами, античнымъ профилемъ, какой онъ видѣлъ только у статуй. Разговаривать съ „ней“ ему не удавалось, она молчаливо кланялась входя въ аудиторию; ея поза, выраженіе лица были таковы, что подойти просто и сказать „здравствуйте, товарищъ, побывали вчера въ Маринкѣ? Какъ вамъ понравился Шаляпинъ?“ казалось почему-то невозможнымъ.

Но когда „она“ читала рефератъ и становилась на два часа добычей выясненія объективной истины, о, тогда... тогда Сергѣй Ивановичъ начиналъ безотчетно и глупо волноваться... Умные и неумные, большіе и малые товарищи, пользуясь даннымъ имъ „словомъ“, говорили ей, что она... „Что у ней нѣтъ настоящихъ положительныхъ знаній, что весь „каскадъ“ ея лже-красивыхъ мыслей взять ею по наслышкѣ у модныхъ софистовъ, и что, наконецъ, право на истину имѣютъ только люди, вскормленные водой и чернымъ хлѣбомъ, а она?.. Въ своей короткой жизни она успѣла выпить и опустошить вымя у нѣсколькихъ сотенъ коровъ и въ силу „упитанности“ она не можетъ знать, въ чемъ и гдѣ пути равенства и свободы человѣчества“.

Сергѣй Ивановичъ не спускалъ тогда глазъ съ каеедры, онъ посылалъ дѣвушкѣ волны своей силы и вѣры въ ея проповѣдь... И дѣвушка спокойно выслушивала своихъ судей, ловила обвинителей по парѣ невѣжественныхъ мыслей, намышленнаи искаженіи сказаннаго ею, и при громкихъ крикахъ одобренія блистающаго радугой невѣдѣнія большинства сходила съ каеедры.

Косимовъ высоко ставилъ знанія, а главное ораторскій талантъ Тихона Степановича, и ему очень хотѣлось отмстить маленькому мохнату товарищу, Элкину: послѣдній всегда при „ея“ выступленіяхъ взбивалъ вокругъ нея цѣлыя облака оскорбительной пѣны, желая унижить ея красосу, ея умъ, ея призывъ: „не создавать себѣ безответственныхъ кумировъ—вождей, а постараться самому стать своей руководящей звѣздой“.

Разговоръ Горецкаго и Сергѣя Ивановича, какъ потухающій костеръ, то вспыхивалъ, то совсѣмъ затихалъ.

— „Ну, пора мнѣ и домой“, — вдругъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ, самъ не понимая своего лукавства.

Тихонъ Степановичъ рѣзко махнулъ рукой, ему хотѣлось сгладить непріятное впечатлѣніе, оставшееся послѣ прочтенія „манифеста благодарности“, профессорамъ, и онъ предложилъ Сергѣю Ивановичу чаю.

— „Пожалуй, выпью“, — охотно согласился тотъ. Станувъ чая и надѣвъ нимъ легкой паръ, такъ нѣжно застилающей глаза и чуть-чуть согрѣвающей лобъ и щеки... Сергѣй Ивановичъ мѣшаетъ, мѣшаетъ ложкой въ стаканъ и все не рѣшается сказать Горецкому такой, казалось бы, обыкновенной вещи, что ему, Сергѣю Ивановичу, очень хочется, чтобъ Горецкій пришелъ завтра на рефератъ красавицы-дѣвушки и убилъ бы своимъ могучимъ словомъ знанія ничтожнаго змія лжесвидѣтельства и клеветы на науку—противнаго Элкина!

Глаза—ищейки Горецкаго неустанно шарятъ въ темномъ сознаніи Сергѣя Ивановича... Последній испытываетъ отъ этой охоты чувство физического холода и начинаетъ грѣть ладони рукъ о горячей стаканъ, но тутъ же окончательно кто-то рѣшаетъ за него, что говорить объ „этомъ“ съ Горецкимъ не надо.

Сидящіе болтаютъ, прихлебывая чай, о всякихъ пустякахъ, но Тихонъ Степановичъ крѣпко держитъ въ рукахъ бархатную волю своего vis-a vis.

— „Повѣрите, благодаря книгѣ я совсѣмъ жить и чувствовать пересталъ... Понимаете, ни одна женщина, до сихъ поръ, не сумѣла меня такъ заполнить, какъ эта книжка“... Сергѣй Ивановичъ сочувственно и любовно слушаетъ Горецкаго.

Тихонъ Степановичъ нечаянно локтемъ двинулъ горку изъ „своей“ книги, горка толкнула въ свою очередь портретъ съ изображеніемъ какой-то старухи, портретъ полетѣлъ внизъ, стекло разбилось, и на полу вдругъ легла не одна карточка, а двѣ...

Косимовъ славился своей близорукостью и поэтому не могъ разглядѣть, чьи черты скрывались подъ бумажнымъ сердцемъ старухи... Но разбитое стекло и чуть виднѣющаяся линия прямого носа почему то сняли съ него какую-то необъяснимую тяжесть, и онъ прямо, не прячась, сталъ глядѣть въ лицо Тихону Степановичу, кото-

рый не спѣша подобралъ карточки и небрежно сунулъ ихъ въ ящикъ стола...

— „Скажите, вы давно видѣли студентку Корелли?“—спокойно спросилъ Горецкій, пододвигая горку книгъ на мѣсто.

— „Она не замужемъ еще?“

— „Не знаю, замужемъ ли она, но я ее недавно видѣлъ“, — немного волнуясь отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ...

„Все такъ же хороша“, — продолжалъ онъ, — увлекается наукой, неприступна для нашего брата попрежнему и, кажется, завтра читаетъ рефератъ у профессора Томковскаго... А больше я ничего о ней сказать вамъ не могу... Съ ней я вѣдь не знакомъ, если не считать, что какъ-то и въ какой-то давкѣ, кажется, при выходѣ изъ театра я былъ ей представленъ студентомъ Элкинымъ... Вотъ все мое знакомство“...

Тихонъ Степановичъ пустилъ жизнерадостное „хо-хо“, и Калибанъ съ удовольствіемъ усѣлся на корточки подлѣ его ногъ.

Косимовъ медленно зашагалъ въ крохотномъ пространствѣ между кроватью и шкафомъ.

Тихонъ сѣлъ верхомъ на стулъ, двумя руками крѣпко ухватился за спинку и ликуя сказалъ:

„Та-акъ... Вы говорите, Сергѣй Ивановичъ, по-прежнему „неприступна?“— „Ха-ха-ха!“

И еще больше раздвинувшіяся скулы Тихона стали налѣзать и тѣснить что-то нѣжное и прекрасное, что жило и сіяло въ темной безднѣ души Сергѣя Ивановича... Онъ пересталъ шагать и какъ-то вяло оперся спиной о шкафъ и молча ждалъ.

— „Сказки о „неприступности“, „холодности“ и т. п. чепухъ вещь хорошая для первокурсниковъ, а вамъ, кончающему университетъ, оно какъ будто бы и не къ лицу, Сергѣй Ивановичъ?“

Еле сдерживая смѣхъ продолжалъ Горещкій и, не дождавшись отвѣта на свой вопросъ, небрежно кинулъ:

— „Бросьте, ужъ кто-кто, но я семью Корелли знаю очень хорошо; года три подъ рядъ я бывалъ у нихъ чуть ли не ежедневно и, конечно, не дѣвчонка Корелли привлекала меня: воспитатель и пріемный отецъ ея — Валерій Семеновичъ.. Вотъ кто. Я долженъ сказать и даже признаться, что одно время искренно считалъ его чуть-ли не гениемъ! Ха-ха-ха. Мало того, его картины, тона красокъ, сюжеты такъ ошеломляли меня, что иногда, правда, на мгновение, но приостанавливали ширь моего собственнаго „я“!.. Долго, очень долго онъ казался мнѣ необычайно умнымъ и при этомъ добрымъ человѣкомъ. А умъ, Сергѣй Ивановичъ, какъ вы изволите знать, рѣдкій даръ самого дьявола, которымъ онъ разъ въ столѣтіе балуетъ нашу планету... Танька Корелли, не вынесла моего, такъ сказать, равенства въ духъ съ ея дядей и въ одинъ прекрасный вечеръ, дрожа отъ похоти стала обнимать меня, предлагая какой-то творческій союзъ? Я отшвырнулъ ее, ибо беру только то, что не жлетъ и рѣшается хотя разъ въ жизни быть правдивымъ и честнымъ!.. Скажи она мнѣ прямо „хочу тебя“—„къ вашимъ услугамъ, сударыня!“

И Тихонъ Степановичъ вскочилъ и галантно-цинично отвѣсилъ поклонъ кому-то въ стѣну.

„...Но вѣдь она соткана вся изъ лжи... ея аристократическіе предки передали ей зараженную кровь... Помню, мы шли съ ней какъ-то вечеромъ въ театръ... Ну, шель снѣгъ, самый обыкновенный кристаллическій снѣгъ... Она все прижималась ко мнѣ, читала отрывки какихъ-то сентиментальныхъ стишковъ и вдругъ остановилась, стала въ театральную позу и начала пророчествовать: „знаете, Тихонъ Степановичъ, мнѣ кажется, что падающій снѣгъ совсѣмъ не то, что мы думаемъ: это разбитыя мечты челоѳчества, возвращающіяся на землю для того, чтобъ люди и грязь окончательно надругались надъ ними... Нѣтъ, я не могу дальше идти по снѣгу... Мнѣ больно!“—Хотѣла, чтобъ я взялъ извощика, и тогда ей будетъ удобнѣе повиснуть на моей шеѣ... Нѣтъ, матушка, возьмите пятки въ зубы и шагайте... Отлично дошла до театра—хо-хо-хо!“ Эхъ, дружище, еслибъ я хотѣлъ, ваша „недотрога“ не разъ продавливала бы собой мой скромный тюфякъ“...

— „А почему вы перестали бывать у Корелли?“—спросилъ Сергѣй Ивановичъ, и пустой шкафъ глухо подчеркнул его вопросъ...

— „Кто то изъ моихъ милыхъ друзей передалъ старику Корелли мое мнѣніе объ его „идеальной“ дочкѣ... Старикъ вспомнилъ своихъ высоко-куль-

турныхъ предковъ и, какъ говорится, всталь надъбы... Ха-ха-ха!.. Жаль, товарищи удержали меня, а я съ удовольствіемъ всадилъ бы пулю въ его выдохшуюся и одряхлѣвшую голову... Помѣшали... Ну, а когда моментъ былъ упущенъ, я просто плюнулъ на всю эту сладостно-миндальную семейку и, какъ видите, занялся серьезнымъ дѣломъ“.

Сергѣй Ивановичъ, не мѣняя позы, все продолжалъ подпирать собою шкафъ и чему-то улыбался...

— „Такъ то, милый Сергѣй Ивановичъ, дѣло это проще, чѣмъ вы думаете, а корову всегда надо брать за рога, ибо она это только и признаетъ и любить“...

Сергѣй Ивановичъ раза два пробовалъ пройтись отъ шкафа къ столу, помолчалъ и сталъ прощаться.

— „Досвиданія, спасибо, что не забываете меня... Знаете, заходите ко мнѣ въ среду вечеркомъ, у меня предполагается маленькій фестиваль, будетъ пара веселыхъ дѣвъ, и моя комната наполнится odor'омъ di femina, хо, хо, хо“.

— „Тихонъ Степановичъ“, — чуть слышно сказалъ Сергѣй Ивановичъ: „скажите, а фотографія выпавшая изъ подъ карточки вашей матери сегодня на полъ... Вѣдь, это была фотографія Татьяны Корелли? да?“

— „Ну, коллега, не провоцируйте... Какъ порядочный челоѳкъ не могу же я выдавать вамъ голову всѣхъ моихъ музъ — проваливайте-ка, дружище!“

Сергѣй Ивановичъ медленно сошелъ съ лѣстницы, прошелъ дворикъ и вышелъ на улицу...

Вѣтеръ кружилъ и разсыпалъ по сторонамъ миллионы снѣжныхъ пушинокъ. Не разбирая, онѣ ложились, куда попало, имъ было все равно, какъ кончить свое существованіе. Господь не принялъ, ихъ въ свой чертогъ жизни, добра и красоты и велѣлъ чернымъ ангеламъ сбросить застывшія и блѣдныя „мечты“ снова на землю.. Умирая, онѣ не подозревали, что настанетъ моментъ, и солнце превратитъ ихъ въ потоки челоѳческихъ слезъ, онѣ омоютъ корни молодыхъ побѣговъ и загудятъ радостнымъ шумомъ во всѣхъ рѣкахъ, ручьяхъ и водопадахъ, а люди обнимая другъ друга будутъ смѣяться и кричать: „весна, весна пришла!“

Сергѣй Ивановичъ прошелъ нѣсколько шаговъ, остановился и замѣтилъ на снѣгу глубокой слѣдъ отъ своихъ ногъ... Упавшая снѣжинка стала таять на его красной рукѣ... Быстро пошелъ онъ назадъ, еще быстрѣе взбѣжалъ на лѣстницу и позвонилъ... „Дзынь, дзынь“, дребезжалъ на проволоку колокольчикъ за дверью... Снова тихо... Никто не идетъ... Сергѣй Ивановичъ дернулъ еще разъ за деревянную длинную ручку: „Дзыныны!“—Рывнулъ колокольчикъ. Раздались шаги... И Тихонъ Степановичъ широко открылъ входную дверь...

— „А?!“

— „Я долженъ сказать вамъ...“ Сергѣй Ивановичъ зажмурилъ глаза, и его рука неожиданно для него самого ударила сперва по твердому и затѣмъ по мягкому... Много времени спустя онъ понялъ, что „это“ было лицо Тихона Степановича...

Р. Власта.

М. А. РЕИСНЕРЪ.

Безстыдникъ.

(Лекція на театральныхъ курсахъ).

Милостивыя Государини и Милостивые Государя! Уважаемая дирекція театральныхъ курсовъ пригласила меня прочесть вамъ сегодня лекцію о перевоплощеніи; и думаю — не безъ нѣкоторыхъ основаній. И хоть я и не принадлежу къ цеху профессиональныхъ актеровъ, но въ своей жизни я удивительно легко и естественно перевоплощался, смотря по времени и обстоятельствамъ.

Скажу больше, я порою чувствовалъ себя подобнымъ нѣкоторому сосуду, въ который наливали со стороны любое содержаніе. И замѣчательно, при этомъ у меня не было никакикъ болѣзненныхъ ощущеній, даже ни малѣйшаго чувства неловкости. Радостное сознаніе правоты, искренней убѣжденности сопровождало меня при всѣхъ моихъ метаморфозахъ.

Не знаю, счастливый даръ небесъ или особая наслѣдственность наградили меня полнымъ отсутствіемъ какой-либо стыдливости и угрызений совѣсти. Я никогда не прятался въ уборную, чтобы переменить свой гримъ и костюмъ, никогда не стыдился черезъ пять минутъ послѣ прочтенія одного символа вѣры декламировать съ той же убѣжденностью отрицающій его монологъ.

И знаете, эффектъ былъ поразительный: мое безстыдство никогда не вызывало ни протеста, ни свистковъ. Меня спасала совершенная искренность и естественность моихъ дѣйствій. Когда я снималъ одни панталоны, чтобы одѣть другія, я всегда это дѣлалъ совершенно открыто, и, долженъ сказать, обезоруживалъ своихъ враговъ. Ибо, что вы дѣйствительно скажете человѣку, который при этой операциіи не ощущаетъ ни малѣйшаго стѣсненія,

Первое, что меня захватило, былъ революціонный социализмъ. Я сейчасъ далеко ушелъ отъ этого увлеченія, но до сихъ поръ мнѣ совершенно ясно, какъ это случилось. И право, даже теперь я могъ бы снова подпасть подъ обаяніе марксизма. Настолько это было интересно и занимательно. Министерство финансовъ въ ту пору насаждало капитализмъ, чуть начиналось рабочее движеніе! Интеллигенція раскололась на народниковъ и марксистовъ, и я сталъ марксистомъ. Почему? Да не все ли равно! Съ такой же легкостью я могъ быть народникомъ, но марксизмъ былъ тогда заграничной новинкой.

Я пережилъ прелестныя минуты. Ниспроверженіе идеальнаго фактора, желѣзный законъ заработной платы, прибавочная стоимость, классовая борьба и, какъ вѣнецъ, требованіе: „переварить русскаго мужика въ фабричномъ котлѣ“. Съ какой изобрѣтательностью и неутомимостью я загонялъ народниковъ въ ловушки, какимъ паеосомъ заражалъ смѣлую и чуткую молодежь!

Могу съ гордостью сказать: я прочувствовалъ марксизмъ до конца, я насытился имъ до такой степени, что сталъ своимъ среди самыхъ тонкихъ, умныхъ и ученыхъ приверженцевъ этого течения; мало того, былъ даже признанъ къ составленію того манифеста, которымъ русскій пролетаріатъ объявилъ войну буржуазіи и мѣщанству. Признаюсь, это было одно изъ моихъ самыхъ артистическихъ достиженій!

Моимъ вторымъ дебютомъ былъ политическій радикализмъ съ революціоннымъ оттѣнкомъ. Здѣсь мнѣ пришлось идти къ тому самому буржуазному обществу, которому я лишь такъ недавно объявилъ „классовую борьбу“. По своему обыкновенію я ни чуть не стыдился. Медленно и спокойно я перешелъ въ присутствіи публики, и никто не осмѣлился мнѣ кинуть ни малѣйшаго упрека. Всѣ знали, что я поступаю совершенно искренно.

Опять таки и здѣсь въ новой для меня сферѣ я счумѣлъ не только стать своимъ, но имѣлъ счастье и честь приобрести чрезвычайное уваженіе моихъ новыхъ товарищей: на меня съ надеждой взирали лучшіе дѣятели „союза освобожденія“, никто изъ нихъ не на минуту не заподозрилъ моего грима или переодѣванья. Снова съ величайшимъ вдохновеніемъ я вошелъ въ свою роль.

Съ одной стороны я металъ громы и молніи, требовалъ крови за кровь, доходилъ чуть ли не до теоріи тиранубійства; я пламенѣлъ, дрожалъ, проклиналъ, изобличалъ, но въ то же время — и я ставлю себѣ это въ положительную заслугу — ни разу я не вышелъ изъ рамокъ именно буржуазнаго либерализма, мѣщанской демократіи, чисто политической революціонной программы!

Лишь одинъ разъ я нѣсколько поспѣшилъ: это было какъ разъ въ эпоху забастовокъ, знаменитаго манифеста и крупныхъ народныхъ движеній! Еще высоко вздымались волны общественной бури, а я уже ощутилъ въ себѣ рожденіе новой души. Это было нѣчто національ-либеральное и даже съ консервативнымъ оттѣнкомъ. И вотъ тутъ-то передъ самымъ актомъ 17 Октября я испугался и закричалъ: свяжите недорослей и остановите фабричную чернь, обуздайте анархію!

По счастью, мнѣ удалось во время придушить мой крикъ, и когда я вышелъ снова на широкую арену гражданственности, меня привѣтствовали, какъ освободителя и революціонера! Я не противился этому, но постепенно сталъ переодѣваться.

Вы бы меня не узнали въ новомъ костюмѣ. Я показалъ всѣмъ „національное лицо“. Успѣхъ былъ чрезвычайный. Новую гамму я воплотилъ до конца и совершенно спокойно слѣдилъ за тѣмъ, какъ отъ меня, едва взянуль на мое „національное лицо“, бѣжали ничего не понимающіе невѣжды.

Этотъ переломъ для меня былъ особенно любопытенъ: какъ извѣстно, у насъ націонализмъ крѣпко сплелся съ преслѣдованіемъ инородцевъ, угнетеніемъ поляковъ, финновъ и армянъ и съ чрезвычайнымъ усиленіемъ административнаго произвола: даво ли у насъ провозглашалась націонализація промышленности и торговли. И что же? Вчерашній социалистъ и демократъ, я дерзнулъ съ полной безмятежностью поднять именно это знамя среди моихъ вчерашнихъ друзей, проповѣдывать у насъ, замѣтьте у насъ, послѣ Плева и при Столыпинѣ идею твердой власти и желѣзнаго порядка!

Признаюсь, я нѣсколько опасался. Однако-же къ тому времени я поспѣлъ выпустить знаменитый сборникъ „Метлы“, посвященный моимъ недавнимъ друзьямъ. Къ великой радости друзей порядка я сорвалъ въ этой книгѣ маску съ русскаго интеллигента и показалъ всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстное лицо: дряблую, рахитическую физиономію писаки-заморыша, безсильнаго и безвольнаго, неспособнаго на какой-нибудь истинно политическій шагъ. Этимъ я предупреджалъ событія: я нападалъ! А между тѣмъ, покаюсь, какъ разъ въ это время я ожидалъ, что мнѣ не простятъ послѣдней метаморфозы и разорвутъ въ клочки.

Но все обошлось вполне благополучно: „Метла“ сдѣлала свое дѣло: въ своей новой роли я торжествовалъ, и мнѣ было неизмѣримо пріятно послѣ декоративныхъ лохмотьевъ пролетарія и фригійской шапки демократа облачиться въ чистыя одежды порядочнаго и солиднаго человѣка.

И долженъ отдать себѣ справедливость: новую роль я и здѣсь прочувствовалъ — извините за вульгарное выраженіе — просмаковалъ до конца; всѣ

нюансы побѣдоносной государственности, административнаго творчества, междунаго размаха; все обаяніе міродержавнаго авторитета, мистическаго національнаго призванія, весь блескъ сияющаго надъ Царь-Градомъ историческаго ореола—все было извѣдано мной до тонкости. Съ восторгомъ я предвкушалъ полеты русскаго двуглаваго орла.

И что-жь?—Послѣдняя костюмировка была лишь завершеніемъ пройденаго пути. Въ послѣднее время я выступилъ въ сверкающихъ латахъ, въ опереномъ шлемѣ и съ ориелою въ рукахъ—костюмъ если не Жанны д'Аркъ, то во всякомъ случаѣ ея мужскаго замѣстителя. Здѣсь я пережилъ новыя ощущенія; и хотя я мирно оставался въ глубокомъ тылу, въ своемъ тихомъ кабинетѣ,—испыталъ тѣмъ не менѣе все опьяненіе, весь экстазъ кроваваго боя. Я бросалъ широкой рукой тысячи людей на полѣ битвы, я проливалъ моря чужой крови, я захлебывался. дрался, стрѣлялъ, палилъ, грохоталъ, кололъ, рѣзалъ, стоналъ,—я торжествовалъ!

На этотъ разъ я не опасался ни свистковъ, ни возраженій, я великолѣпно чувствовалъ себя въ обществѣ объединенныхъ русскіхъ людей и съ торжествомъ сжималъ въ объятіяхъ Меньшикова и

Милюкова, Плеханова и Бурцева! Незабываемыя минуты! Развѣ я не былъ въ это время по царски вознагражденъ за мои непрестанныя метаморфозы! Я оказался правъ! Совмѣщенныя въ моей душѣ всѣ партіи слились и въ дѣйствительности—какое великое счастье!

И если я позволяю себѣ еще о чемъ нибудь мечтать, то лишь объ укрѣпленіи, отвердѣніи указаннаго мной единенія. Какъ былъ бы я радъ скромно стоя на министерской трибунѣ, облеченный всего лишь голубой лентой, почувствовать симпатію и поддержку со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ партій русскаго парламента.

Развѣ я не былъ проникновеннымъ социаль-демократомъ?

Развѣ я не былъ пылкимъ „освобожденцемъ“?

Развѣ я не былъ искреннимъ конституціоннымъ—демократомъ?

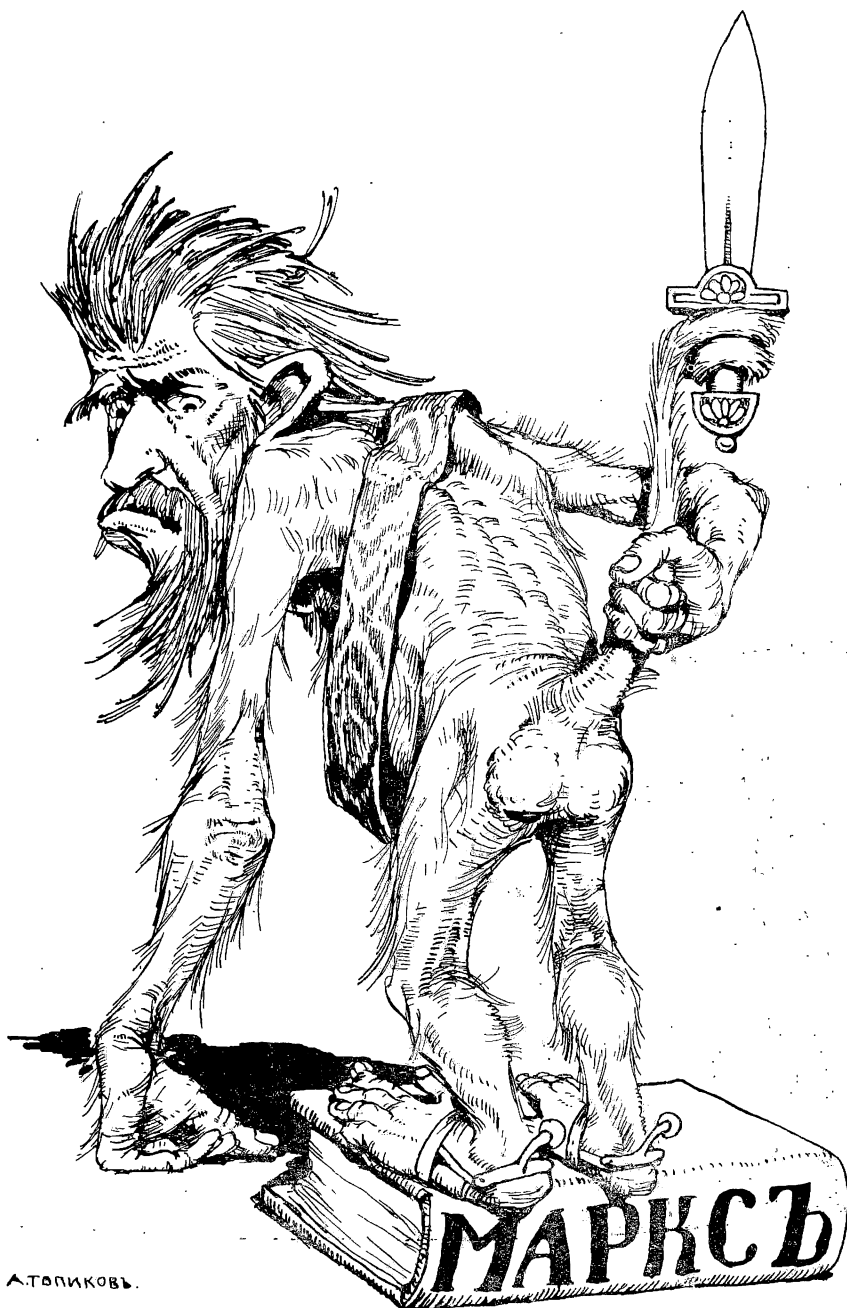
Развѣ я не сталъ честнымъ государственникомъ-империалистомъ?

Теперь я долженъ быть россійскимъ министромъ!

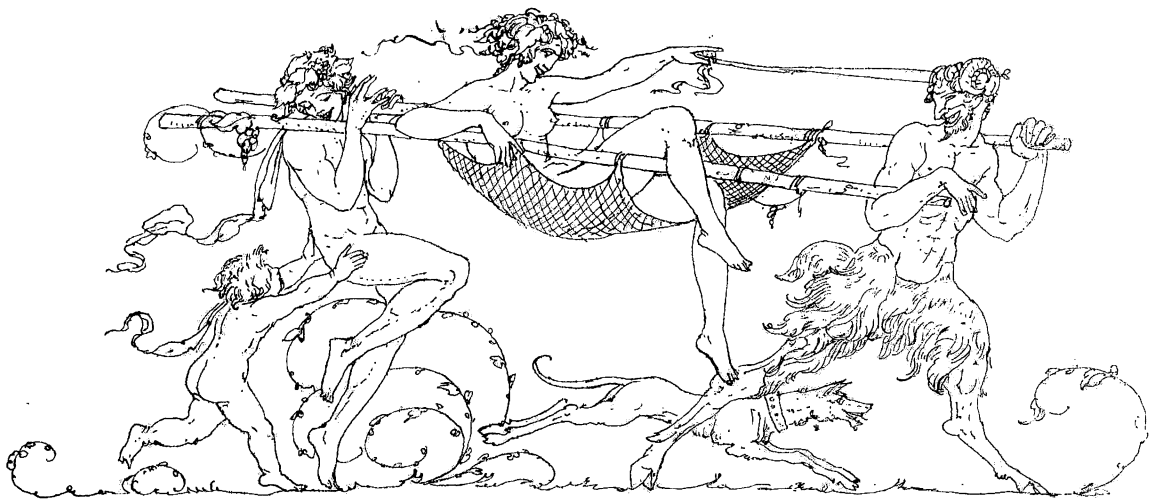
(Продолжительныя и долгія рукоплесканія).

М. А. Рейснеръ.

„Национальное
лицо“ П. Б. Струве.

А. Тшиковъ.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ.

Дождь послѣ засухи.

Бушуетъ пиръ, дымятся чаши,
 Безумной пляскѣ вторить хоръ,
 Но все нѣжнѣе взоры наши,
 Все тише краткій разговоръ.

Съ больной души упали сѣти.
 Въ туманѣ—ранняя пора,
 Опять невинны мы, какъ дѣти,
 Моя любовница—сестра.

Пусть всѣ они надменно-грубы,
 Какъ звѣри, тѣшатся тобой:
 Я поцѣлую эти губы
 Съ наивной дѣтскою мольбой.

Расправили сосны душистыя плечи,
 Склонили къ землѣ увлажненные гривы.
 Упавшія капли, какъ звонкія рѣчи,
 И въ каждой изъ нихъ голубые отливы...

Безцѣльно—пѣвучій, протяжный и сочный,
 Откуда ты, говоръ, лѣнивый и странный?
 Размыло-ли бурей ручей непроточный,
 Усилиль-ли вѣтеръ свой бѣгъ непрестанный?

И вслѣдъ водоносной, разорванной тучѣ
 Понесъ утоленныхъ лѣсовъ славословье
 Туда, гдѣ рождается ливень пѣвучій,
 Гдѣ солнце находитъ свое изголовье...

Н. Н. Евреиновъ и „Театральность“.

(Н. Н. Евреиновъ, „Театръ какъ таковой“ и „Театръ для себя“).

„Евреиновъ, этотъ режиссеръ, помѣшанный на философіи?—Пустое, прямо ничтожество! Онъ очень хорошъ въ „Старинномъ театрѣ“ или „Кривомъ Зеркалѣ“, но, извините, его театрѣ для себя, монодрама и прочее просто глупости!“

И конечно. Былъ Евреиновъ и растаялъ!

Я понимаю, почему его хотятъ сдѣлать маленькую надоѣдливой мухой, которая очень забавляетъ насъ своей радужной пляской въ солнечномъ столбѣ пыли, но нестерпимо жужжить и кусается по утрамъ.

Ученіе Евреинова о театрѣ не даетъ основаній для такого отношенія. Вѣдь учить о театрѣ и Мейерхольдъ. Можно искать, доказывать, спорить. Но приче́мъ тутъ отмахиванье отъ злой, хоть и сверкающей мухи?

Разгадка секрета совсѣмъ въ другомъ: Евреиновъ, волею русской психики и дѣйствительности, не только режиссеръ, не только драматургъ, не только теоретикъ театра, историкъ и, пожалуй, философъ, но, что хуже всего, Евреиновъ—общественникъ, публицистъ, проповѣдникъ, агитаторъ.

Евреиновъ—соціологъ!

О, милая русская дѣйствительность: какъ истуканы молчатъ твои ученые, философы и богословы, патентованные и дипломированные доктора, члены всяческихъ академій, высоко-привилегированные носители видовъ и предначертаній, а за нихъ двигаютъ науку Михайловскіе, проповѣдуютъ Толстые, богословствуютъ Мережковскіе,—дилетанты, литераторы, журналисты!

Недоставало только соціолога-артиста, сатирика-режиссера, публициста-комедіанта. И онъ явился, и нужно отдать ему справедливость, оказался достойнымъ гораздо болѣе серьезной оцѣнки, нежели та, которой его привѣтствовали.

Вся теорія Евреинова сводится къ тому, чтобы устранить изъ театра,—какъ это не странно звучитъ—католичество.

Мнѣ кажется, мы вправѣ пользоваться этимъ терминомъ для театра потому, что и съ нимъ произошло тоже, что случилось со средневѣковой церковью.

Ибо католичество—это пропасть между клиромъ и мірянами, деспотія касты, смерть общины, холодная мумія жизни, лицемѣріе и фанатизмъ!

Католицизмъ—общая профессиональная болѣзнь религіи и науки, живописи и театра—всѣхъ отраслей духа, гдѣ такъ легко однимъ превратиться въ дѣйствующее, играющее, поющее и вопиющее начальство, а другимъ въ оглушаемое, насыщаемое, повелѣваемое и фаршируемое стадо!

Католикъ,—не христіанинъ, а католикъ,—атеистъ въ религіи, моралистъ въ искусствѣ, юристъ въ нравственности, догматикъ въ наукѣ, лжецъ и фальшивый актеръ въ театрѣ. Но никогда не свободный, никогда не героической или вдохновенный.

Напрасно Ницше нападалъ на христіанство, надо было нападать на католичество, догму, касту, привилегію, а больше всего на всякую стѣнку въ области духа, на принужденіе, рѣшетку, чины отъ искусства и титулы отъ посвященія.

Когда Евреиновъ принимался за свое веселое дѣло проповѣди и разрушенія, онъ совсѣмъ не считался съ тѣмъ, что вокругъ него, юного, такъ много съдобородыхъ утвердителей истины, что его каедрa овѣяна пестрыми декораціями, а на головѣ у него звенятъ бубенцы мима.

Но, Боже мой, что онъ сказалъ!

Вѣдь всѣ знаютъ, что театрѣ есть такое специальное мѣсто, которое отличается однимъ, страшно важнымъ признакомъ. Это—канатъ, веревка, барьеръ, помѣщеніе для оркестра и подмостки, которыя отдѣляютъ приличныхъ людей отъ скомоуховъ, серьезныхъ, правдивыхъ и честныхъ отъ лицедѣевъ, кривлякъ и шутовъ.

Съ другой стороны именно на сценѣ царитъ нѣкто высшій, учитель, художникъ, драматургъ, который пользуется самымъ даровитымъ актеромъ какъ буафоріей или кулисами, чтобы съ высоты признаннаго генія дарить скрижали правды смиреннымъ служителямъ мѣднаго змія.

Какое противорѣчіе. Съ одной стороны актеръ нѣчто низшее, ибо онъ, какъ гутаперчивый мячикъ, послушно принимаетъ всякую форму, которую ему даютъ сжимающія его сердце руки драматурга, съ другой—какъ профессиональный служитель духа—безспорный грандъ, мандаринъ или „магнифицица“ не хуже свѣтлостей и сіятельствъ.

Но это всегда такъ. Люди практики обычно немного презируютъ профессионаловъ духа, что несколько не мѣшаетъ цѣловать папскую туфлю, обожать портреты Леонида Андреева или Федора Шаляпина или хранить въ качествѣ святыни кусокъ бумаги на которой отпечатался большой палецъ несравненной.

Здѣсь важно не противорѣчіе, а, повторяемъ канатъ, барьеръ, перегородка. И она отлично примиряетъ противорѣчіе.

Евреиновъ эту перегородку рушитъ.

И дѣлаетъ это онъ съ двухъ концовъ. И со стороны зрителя и со стороны актера.

Первое дѣлаетъ онъ особенно основательно и вмѣстѣ скандалѣзно.

Онъ объявляетъ, что всѣ почтенные, полупочтенные и высокопочтенные, всѣ уважаемые, мало и многоуважаемые, искренніе, правдивые, честные, непоколебимые, порядочные и respectable, основательные и серьезные,—что всѣ они лицемеры и актеры, притворщики и шуты ни сколько не лучше тѣхъ—за канатами.

Вотъ передъ нами членъ военно-промышленнаго комитета, инженеръ и подрядчикъ, серьезнѣйшій дѣятель и миллионеръ—война очень поправила его дѣла—и что-же?—Онъ актеръ, лицедѣй, великолѣпно разыгрывающій русскаго Джона Ло, маска, личина.

Вотъ его высокопревосходительство, бывший министръ, желѣзная рука, неумолимая воля—вздоръ! Онъ играетъ плохо роль, перевираетъ сидящаго въ будкѣ своего Гурлянда, отдыхаетъ отъ бѣлыхъ штановъ подъ ругательствами своей содержанки.

Неужели и этотъ, наружностью мужикъ, душою народникъ, стоявшій десятки лѣтъ „на славномъ посту“ послѣ ушедшаго въ могилу крупнаго артиста, неужели и это актеръ?—Да, отвѣчаетъ Евреиновъ, и только потому, что игралъ роль знающаго, будучи невѣждой, и честнаго, будучи лжецомъ, игралъ не забываясь ни на минуту, — получилъ званіе твердокаменнаго, принципиальнаго и безупречнаго!

Какой ужасъ! Неужели все кругомъ по выраженію Л. Андреева рожи и рожи, маски и маски, однѣ личины и нѣтъ лица?—Да, отвѣчаетъ онъ намъ и показываетъ, какъ играть роли купца, солдата, монаха, солиднаго отца семейства, влюблен-

наго юноши, писателя, мужика, идеалиста чиновника, короля!

Только одной роли не хочет Евреиновъ считать ролью—и это современнаго позитивиста и материалиста. И совершенно напрасно. Это тоже маска, ибо въ дѣйствительности ни одинъ реалистъ и позитивистъ не обладаетъ знаніемъ реальности, а во вторыхъ, если бы даже было можно до конца познать то, что есть, то изъ этого никогда и никакимъ логическимъ способомъ нельзя вывести должнаго безъ примѣси такого—увы—идеальнаго элемента, какъ наше „я“!

Страницы, которыя посвящаетъ Евреиновъ изображенію всеобщаго комедіанства и жизненной сцены, изобилуютъ такой массой прекрасно подобраннаго матеріала, что во истину всѣ боги на Олимпѣ должны надорвать себѣ животики отъ смѣха при видѣ разоблаченнаго и разгромившаго человѣчества!

Такъ, хорошо. Театральность получаетъ свое признание. Театральность въ трагедіи государства, мистеріи церкви, военномъ балетѣ арміи, мѣщанской комедіи прилавка, волшебной фееріи двора, студенческой пасторали молодежи, массовыхъ постановкахъ современнаго пролетариата. Между театромъ и жизнью нѣтъ различія!

Барьеръ на половину разрушенъ.

Остается еще другая защита театра, — его художественное величіе. Остаются котурны его жрецовъ, какъ носителей идеала. Общественное призваніе и признание, обаяніе творческаго духа, литературный ореоль, синтезъ трехъ искусствъ, объединенныхъ у рампы.

Евреиновъ дерзаетъ и на это.

Не искусство, а театральность. Последняя ничего не имѣетъ общаго съ искусствомъ. Долой литературшину, и лишь постольку допустимы музы на сценѣ, поскольку онѣ служатъ и даже прислуживаютъ театру, еще менѣ здѣсь возможны идеалы, служенія, алтари и храмы—да здравствуетъ свободная театральность.

Она есть сама жизнь и такую должна быть. Жизнь, которая ищетъ преображенія, побѣждаетъ злую необходимость, уходитъ отъ грязи, скуки, горя и мерзости дѣйствительности въ міръ творимой мечты, чистое созданіе оторванной отъ камня самоцѣнной, созидающей воли.

Не искусство, не иллюзію, а новую жизнь творятъ на сценѣ актеры, какъ внѣ сцены всѣ живые. Не для превращенія себя въ статую или картину, не для зрѣлища говорить, двигаться, жить и борются за барьеромъ Гамлетъ и Отелло, Орфей въ аду или Глупышкинъ, а для того, чтобы завершить исканіе театральности, закончить то, что неполно и по частямъ дѣлаетъ вся такъ называемая публика.

Актеровъ нѣтъ, театра нѣтъ, барьера между публикой и актерами не существуетъ. Въ театрѣ идутъ одни люди, публика, чтобы пережить съ другими людьми, актерами, вмѣстѣ и сообща театральное преображеніе, другими словами наиболѣе интенсивную и полную жизнь.

Театръ поэтому не связанъ ни съ мѣстомъ, ни со временемъ. По существу онъ можетъ быть вездѣ, и каждый можетъ его разыграть. Его не дѣлаютъ ни занавѣсъ, ни софитъ, ни кулисы. Его можно играть многимъ и немногимъ, ибо онъ всегда для себя. Каждый въ своей комнатѣ можетъ создать театръ, какъ его создаютъ дѣти. И если можетъ быть оправданъ современный театръ, то лишь тогда, когда онъ построенъ по типу монодрамы: каждый одинъ изъ зала соперничаетъ одну драму одного дѣйствующаго лица на сценѣ.

Иначе это психологически невозможно: жизнь можетъ быть только одна!

Доселѣ Евреиновъ! Но не до конца съ нимъ истина. Онъ совершенно правъ, что театральность превращенія и преобразования одна и та же въ жизни и на сценѣ. Онъ правъ, когда хочетъ, чтобы между сценой и жизнью не было больше фарисейской стѣны, и сцена непосредственно слилась съ жизнью.

Но глубоко неправъ Евреиновъ, когда онъ единую общую и для жизни и сцены театральность лишаетъ высшаго и опять-таки общаго имъ объема Закона.

Законъ?—Да, милый Арлекинъ. И я вижу, какъ дрожить онъ отъ одной мысли о неумолимомъ, страшномъ, холодномъ Законѣ, который подобно морозу сковываетъ бѣгущія струи жизни, срываетъ трепещущія листья съ деревьевъ и дѣлаетъ каменными и ломкими нѣжные и гибкіе цвѣты.

Нѣтъ, мы не о такомъ Законѣ говоримъ. Нашъ Законъ другой.

Это законъ вѣчнаго исканія яркаго художественнаго символа для таинственной души реальности, вещей, предметовъ. Съ Платономъ хотимъ мы найти въ формѣ воплощенную идею—душу даннаго стула, этого фонтана, Алкивиада, Ивана, Петра, даже его части.

И все стремимся къ новому похищенію жизни формой, къ новой побѣдѣ символа надъ безграничнымъ ея океаномъ. А для этого мы олицетворяемъ жизнь, мы соперничаемъ ея драму съ нею какъ съ актеромъ, ибо всякое искусство есть соперничество.

Зачѣмъ мнѣ непременно актеръ и театральность? Если я живописецъ, то я съ облакомъ, бурей, песочнымъ вихремъ, гнушимся деревомъ, бѣгущимъ человѣкомъ соперничаю то, что другой соперничаетъ съ актеромъ и драматургомъ.

Развѣ картина есть фотография?—Она такой-же символъ, какъ маска гистріона, личина паяца, гримъ артиста. Художникъ гримируетъ природу, архитекторъ ее костюмируетъ, музыкантъ даетъ ей монологъ, діалогъ и хоры. Не одинъ театръ, а всякое искусство лицедѣйствуетъ, преобразуетъ, олицетворяетъ.

И оживаетъ весь міръ и становится намъ близкимъ, роднымъ и понятнымъ: колонна торжествуетъ побѣду надъ силой тяготенія и освобождаетъ фронтонъ—она тоже борется вмѣстѣ со мною, живетъ, радуется и смѣется; художественно написанная картина злобствуетъ и бьется, бунтуетъ и зоветъ меня въ бой на баррикады; статуя живетъ и моею жизнью, моими порами, легкими, мускулами и кожей.

Всякое искусство есть искусство для себя.

Напрасно Евреиновъ не вчитался въ господствующую теперь въ эстетикѣ теорію олицетворенія и вчувствованія (на языкѣ нѣмцевъ—Einfühlung) и которая господствуетъ далеко не въ одной нѣмецкой философіи.

Но не всякая театральность есть искусство, созданіе художественное, законченный символъ, дающій намъ подлинное бѣніе жизни, истинная адекватная форма побѣжденнаго художникомъ хаоса.

Театральность вездѣ. Кривляются сановники и шуты, въ личинѣ ходятъ общественные дѣятели и актеры, даютъ ежеминутно и ежечастью представленія комедіанты и политики, актеры и придворные, инженеры и ученые.

Но, ахъ! Не всѣ ломаются художественно, не всѣ представляютъ эстетически-правдиво, не всѣ, далеко не всѣ даютъ намъ соперничать вмѣстѣ съ ними то высшее, прекрасное, идеальное, что есть потому высшая жизнь, что оно есть истинное искусство.

Барьеръ между рампой и жизнью долженъ быть сломанъ. Это совершенно вѣрно. Но не для того, чтобы восторжествовала всеобщая театральность, которая сводится къ внушенію, подражанію, игрѣ и прочимъ, никакой цѣнности не имѣющимъ вещамъ, а въ концѣ концовъ къ такъ или иначе организованному поведенію.

Нѣтъ, жизнь должна слиться съ театромъ, чтобы похитить у него тайну художественнаго преображенія, искренняго олицетворенія, благообразія и красоты.

Монополія театра подлежитъ смерти. Но лишь для того, чтобы имъ захваченная красота вошла въ общество, малѣйшую его ячейку, въ личное существованіе.

Красота должна быть освобождена отъ рампы, къ которой она теперь прикована, она будетъ всеобщей.

Сама жизнь станетъ художественныхъ произведеніемъ.

М. Рейснеръ.

— ● ● —
ВЛАДИМИРЪ ЗЛОБИНЪ.

Изъ моей лирики.

Ихъ было много — старыхъ, молодыхъ,
Идущихъ безъ желаній и безъ цѣли.
И я себя, какъ дождь изъ ожерелій,
По каплѣ отдалъ каждому изъ нихъ.

Они-же шли враждебно, не глядя,
Не чувствуя, какъ радостна побѣда,
И каждый переспрашивалъ сосѣда:
Что дѣлать съ этимъ жемчугомъ дождя,

Который былъ не нуженъ для заплатъ
И не похожъ на новыя медали,
И всѣ его подъ утро возвращали,
Какъ блѣдныхъ женщинъ, взятыхъ на прокатъ.

Но въ сумерки, когда изъ темноты
Я вынулъ душу, полную разлуки,
Всѣ взгляды протянулись къ ней, какъ руки,
И всѣ слова упали, какъ цвѣты.

А.А.ТОЛИКОВЪ.

РИКИ-ТИКИ-ТАВИ.

Изъ огня да въ полымя.

Наконецъ, послѣ пылкихъ и длинныхъ статей, повелительныхъ манифестовъ и чистосердечныхъ деклараций, Леонидъ Андреевъ подарилъ намъ настоящее художественное произведение.

„Тоть, который получаетъ пощечины“. Слава Богу, слова остались словами, великій художникъ не рѣшился сдержатъ слова, даннаго въ минуту патриотическаго самораздраженія. Передъ нами не драма изъ походно-санитарнаго быта, не подвиги Василисы-старостики, не тяжелое „словесное дрекольѣ“ общественной пропаганды.

„Тоть, который получаетъ пощечины“, Арлекинъ мудрости и красоты, раздавленный геній, великій поэтъ въ цирковой конюшнѣ!

Неужели передъ нами новое, головокружительное возрожденіе? Вѣдь это мотивы Анатемы, безумныя молитвы у вѣчно-зарытыхъ дверей, это горечь „Жизни Человѣка“, маскарадныя факелы „Черныхъ Масокъ“.

И все, что было ошибкой и упадкомъ, Екатерина Ивановна и Сторицынъ, „Дни Нашей жизни“ и „Анфиса“, всѣ персонажи мѣщанскихъ трагедій и бытовыхъ мелодрамъ, на мгновение забыты и прощены.

Дѣйствіе второе: на колѣняхъ передъ цирковой примадонной, передъ прекрасной женщиной Паяцъ бредитъ любовью и красотой, дымящимся океаномъ и сіяющей ночной волной у мраморныхъ ногъ. Въ послѣдній разъ, на краю разрушенія и позора, человѣкъ говоритъ жизни о ея преступленіяхъ и надеждахъ. Съ поблѣднѣвшихъ щекъ стерта горечь неумоимаго смѣха, и блещетъ грозной прелестью лицо оскорбленнаго божества.

И вотъ, какъ смертельный приговоръ, какъ разъяренное презрѣніе падаетъ на сверкающее чело—пощечина!

Дѣвушка-Психея ударила умирающаго. Консуелла, помедли, не уходи, дай яду проникнуть во всѣ тайники творчества, въ послѣднее, безнадежное пристанище жизни.

И какъ мудро придумалъ соперникъ, терпѣливый собственникъ, г. Баронъ. Онъ одинъ молча

угадываетъ опасность, и въ банальной роли Шута познаетъ мастерство безсмертнаго актера.

Онъ молчитъ и ждетъ.

И мы тоже ждемъ, въ замираніи, въ слезахъ— послѣдняго подвига, искупительной жертвы, которая разбудитъ въ самкѣ женщину и замкнетъ навсегда безнадежно-зовущія, неутолимая объятія „Тоть’а“.

Но какъ дуновение дряхлости, какъ предтеча позора—проходить дѣйствіе за дѣйствіемъ. Все плачевнѣе маски и костюмы. Зачѣмъ это переодѣваніе, испанскія шали, дешевыя башмаки, красныя галстуки? Трагедія становится смѣшной, сцена снижается до зрительнаго зала, и просвѣщенная чернь радостно узнаетъ своего вольноотпущенника, героя уголовного процесса, знаменитаго „ревнивца“ изъ маркеровъ, съ крашеной и битой физиономіей.

„Она меня не любитъ? Она продается толстому пауку и будетъ ему рожать визгливыхъ паучатъ?“ Нѣтъ, онъ, непонятый богъ, нацѣдитъ яду въ чашу омерзительнаго счастья. Консуелла должна умереть, и онъ самъ, любящій, обреченный, придумитъ счастливую невѣсту, испуститъ духъ у обожаемаго тѣла.

Герой бульварныхъ романовъ въ такихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ сѣрной кислотѣ.

Сверхъ-человѣкъ Леонида Андреева, братъ герцога Лоренцо и Нуллуса возвышается до цѣанъ-кали.

Но лучше всего апофеозъ. Пока „Тоть“ спѣшно декламируетъ заключительный монологъ, г. Баронъ, удалившись за кулисы, пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, и такимъ образомъ *первымъ* соединяется съ отлетѣвшей душой Консуеллы.

Благодаря столь искусному драматическому приему борьба за прелестную танцовщицу сразу переносится въ царствіе Небесное.

Самой публикѣ, ея тонкому вкусу и художественному чутью, предоставляется рѣшить задачу: кому же изъ двухъ убійцъ присудитъ Всевышній многострадальную душу Консуеллы?

Рики-Тики-Тави.

Старость.

Въ тенетахъ дней—развѣнчанныя зори
 Былой мечты,
 Бѣжать за ней чрезъ прожитое горе
 Не можешь ты.
 Возврата нѣтъ къ ликующимъ подъемамъ
 И юнымъ снамъ,
 Припасть нельзя къ изсохшимъ водоемамъ
 Нѣмымъ устамъ.
 Не сочетать старѣющія очи
 И юный ликъ,
 Не задержать въ заклѣтыхъ ночи
 Бѣгущій мигъ.

П. ЕЗЕРСКИЙ.

Спите спокойно.

Requiem aeternam dona eis...

...Папенькѣ колъ осиновою покрѣпче въ спину вбить.

Много ихъ было. И каждый былъ одинъ... Медленно прорѣзываясь, незамѣтно вырастали ихъ крылья, слабыя и неприспособленные: натирали непривычныя плечи, давили слабое тѣло. И гибли, не поднявшись къ солнцу, на землѣ безнадежно гибли первые изъ породы тѣхъ, что еще станутъ живыми и первыми. Станутъ!

Жить не умѣютъ,—хмурили брови живущіе,—удѣлъ ихъ погибнуть, ихъ съѣла болѣзнь. Тѣ болѣли и гибли. Тѣмъ вѣрнѣе была смерть, чѣмъ больше росли тяжелыя крылья; а крылья росли. И шатаясь ходили тѣ по постылой землѣ. Объ нее разбивались послѣ острыхъ мгновений полета. Жить не умѣли—больные!

А люди завидовать стали ихъ гибнущей силѣ. И сами почти-что погибли.

Неизвѣстно, когда начались тѣ—крылатые. Говорятъ отъ Адама и Евы. Возможно, что корни ихъ тамъ... За Адамомъ. По однимъ—улетающихъ ящерицъ, по другимъ—у еврейскаго, стараго Бога.

Корни-же этихъ,—ужей съ безкрылою смертию въ душѣ,—ихъ корни у насъ, на склизкой и грязной дорогѣ, глубоко изрытой червями, запятнанной черною кровью раздавленныхъ гадинъ.

И вонючіе ученики перещеголяли самихъ учителей своихъ. Тѣ гдѣ-то далеко, въ тишинѣ сбрасываютъ свой коконъ. Эти?!—Пожалуйте,—вотъ они! Это они такъ воютъ сейчасъ, что намъ не слышно другъ друга. Это они—созидатели „общества и личности“: толпы, кинематографа и искусства. Это ими выставленъ посреди общественной площади дегенератъ на досчатомъ пьедесталѣ. Они-же, дегенератики и дегенератченки,—косясь проходятъ мимо родного бога, ищутъ рыбака—рыбака и, на десертъ—достойную подругу жизни.

Послѣдній этапъ ихъ перепалзыванія у насъ въ Россіи начался сравнительно недавно. За синимъ моремъ было неспокойно задолго до этого. У насъ же вселенная въ безмолвіи внимала перечисленію великихъ именъ и пудрила парики. И вдругъ, прикомандированный къ персидскому посольству чиновникъ, Грибоѣдовъ, выпустилъ на почтительную вселенную хорошо натасканнаго „вольтерьянца“, котораго преподнесъ чиновникамъ иныхъ вѣдомствъ и вовсе не чиновникамъ далеко не въ мягкой формѣ выраженныя истины: о всячески скверной

ихъ жизни—это во первыхъ, и оказался самъ способнымъ только на быструю ѣзду въ удобной каретѣ—во вторыхъ. Неудачному Чацкому стали очень удачно подражать ловкія звѣрюшки—Молчалины, и Чацкій, какъ кличъ червяковъ, надолго застрялъ въ давшемъ и тогда трещины „русскомъ обществѣ“. Немного спустя нѣкій Пушкинъ (изъ лицействъ) въ написанномъ ямбами романѣ „Евгеній Онѣгинъ“ изобразилъ господина совершенно особой по тому времени на Руси формации и предложилъ сразу нѣсколько опредѣлений этого загадочнаго незнакомца. Считавшій необходимымъ откликаться на всѣ, стоящія того, событія литературной жизни г-нъ Великій Критикъ, надо полагать, въ предвидѣніи именно этого выступления прозванный Бѣлинскимъ, произвольно, но авторитетно выбралъ изъ всѣхъ опредѣлений, данныхъ осторожнымъ авторомъ, одно—самое пустое и бѣглое, и заставилъ людей, отличавшихся недостаточной убѣжденностью въ справедливости собственныхъ мнѣній, повѣрить ему на слово, что Онѣгинъ просто-напросто „добрый малый“ (за границей понятіе и посейчасъ отождествляется съ самоваромъ) и тѣмъ лѣтъ на двадцать успокоилъ, было, взволновавшихся гражданъ Россійской Имперіи. Позже гвардейскій гусаръ, Лермонтовъ, довольно сносною прозою описалъ похождения армейца Печорина, хорошаго наѣздника, ловкаго стрѣлка и не дурака насчетъ женскаго пола. Въ романѣ настойчиво прозвучала уже знакомая странная нотка и породила рядъ откликовъ. Великій Критикъ объявилъ Печорина парохомомъ, въ силу своей скорости и массы давящимъ встрѣчныя лодки, и пожелалъ ему благополучно выйти въ открытое море. Если Онѣгинъ надѣлалъ кой-кому достаточно хлопотъ, то парухомомъ захотѣлъ быть всякій, кто зналъ, куда Макарьѣ телятъ гоняетъ. И для этого прежде всего начали топить лодки, очень ярко иллюстрируя басню Ивана Крылова о нашихъ предкахъ по Дарвину. Кто послабѣе,—погибалъ тотчасъ, другіе топорчились и привыкали. Молодой, но изъ раннихъ, помѣщикъ Адуевъ, котораго природа обманула жестокимъ образомъ, давъ метанія, но не давъ мятущихся началъ, показалъ громадную неузвимость въ ползаніи и на четверенькахъ вернулся въ родное имѣніе съ запасомъ житейской мудрости. Станный незнакомецъ былъ окончательно выведенъ на чистую воду въ идеалистическихъ произведеніяхъ Ивана Сергѣевича Тургенева, по нѣкоторымъ соображеніямъ лѣчившагося на заграничныхъ водахъ. По прочтеніи повѣсти „Рудинъ“ стало ясно, кто такъ долго занималъ общественное мнѣніе страждущей Россіи. Думали увидѣть кры-

латаго—нашли скверный слѣпокъ съ задней его части, этого единственнаго пункта соприкосновения великаго со смѣшнымъ. И, такъ какъ сами-же со словъ уважаемыхъ профессоровъ твердили все время о вліяніи среды и эпохи, и отвернуться отъ зеркала невозможно было, прославили Рудина переходнымъ типомъ, неизбежнымъ для каждой эпохи. Переходной, такъ переходной! Казалось-бы, и перейти, и перейти пора! Такъ нѣтъ, рѣшили не торопиться. Налюбуемся-де переходомъ! Поль-вѣка сидѣли на переходномъ бревнѣ и въ исходѣ—до сихъ поръ не могутъ перейти на тотъ берегъ.

И давно ужъ пора съ этимъ кончить. Еще, можетъ быть, переходный герой подъ вопросомъ: „Тотъ, который...“, но безъ вопроса несомнѣнные выродки разнаго рода „дикари“, проливающіе собачью „кровь“ и „тѣ, которые“. Больше того: никчемъ и въ себѣ обреченъ на гибель тотъ одинъ, будто-бы мировой герой, на которомъ такъ твердо остановилась литература нашихъ дней, и не только въ Россіи. Очень скверное недоразумѣніе привело къ такому нелѣпому положенію. Судороги роста были смѣшаны съ истерическими припадками вымирающихъ индивидовъ. За каждымъ гибнущимъ для будущаго стала метаться свора поганыхъ шапокъ, гибнущихъ для гибели, и при томъ съ плохо-скрытымъ страхомъ и вовсе нескрываемымъ жеманничаньемъ. Извращенность, болѣзненность, изломъ,— у тѣхъ одни изъ показателей внутренней ломки, мятущейся силы, у этихъ—сдѣлались ширмой пустоты и скотскаго возделѣнія, своего рода обратной теоремой неимѣющихся понятія о логикѣ геометровъ. Мозоль,—знакъ борьбы, обратилась въ мозоль-самоцѣль. Забыли, что мозоль болѣзненна только на первыхъ порахъ, а дальше смѣняется предохранительнымъ утолщеніемъ на подошвѣ, иначе не будетъ пройденъ тяжелый путь и на срединѣ его ляжетъ странникъ. А что намъ до тѣхъ, что ложатся на поль-дорогѣ! Свой смыслъ въ нихъ, но мы идемъ мимо—впередъ. Изъ того, что сзади—наша пѣснь лишь о тѣхъ, что погибли отъ крыльевъ и роста, погибли для насъ. Кругомъ-же поютъ самоистребители-вампиры, уцѣлѣвшіе даже подъ зубьями стальной щетки вѣка и дня. И взяли они этого дегенерата не откуда-нибудь, чертъ

знаетъ откуда, не изъ пальца высосали: нѣтъ, это они такъ по своему поняли ту силу, которая всегда одна и сила, и только немножко спутали признаки. Показалось имъ, что отбросы силы—главное, что у силы есть, безъ чего сила быть на можетъ. Сложили ихъ въ кучу, нашли то-же у себя и почили въ мирѣ и довольствѣ, допустимъ... своеобразномъ. Таково послѣднее слово литературы въ массѣ ея. Въ единицахъ то-же, но съ благороднымъ отѣнкомъ таланта и честности. И только у нѣкоторыхъ, ихъ дѣйствительно мало,—жертва жизнью смѣнилась, наконецъ, жертвой для жизни, только немногіе прокляли болѣзнь, какъ достиженіе и благословили, какъ пережитое.

Можетъ быть, понемногу выздоравливаетъ человечество—потому ихъ такъ мало, этихъ нѣкоторыхъ. Можетъ быть, еще слишкомъ нѣжно оно, выздоравливающее,—потому ихъ не слышно.

Такъ вотъ-же, вамъ первый вздохъ—вздохъ жизни. Прокляните насъ, если мы ему измѣнимъ, но возвысьте эту первую улыбку выздоравливающего до широкаго смѣха жизни живыхъ. Если тѣ гибли для будущаго, нашъ смыслъ—жить для него,—суроваго, но яснаго будущаго нашей-же вдаль бѣгущей жизни.

Рудинъ какъ кличъ пережить. На немъ до сихъ поръ сидятъ только тѣ, кого остановилъ и задавилъ онъ. Есть болѣзни неизлѣчимыя. Такой для нашей литературы оказался Рудинъ, выродившійся въ эпилептика. Говорятъ, литература идетъ на четверть вѣка впереди жизни. Наша—отстала отъ нея на три четверти. „Тотъ“, „дикари“ и „Кровь“—дребезжащія отзвуки старичковъ Печориныхъ и Чацкихъ, отъ которыхъ тѣ покривѣли-бы—самое послѣднее, приходится вѣрить—лучшее, что у насъ есть. Да еще мистическое шамканье Сологуба объ ядовитыхъ цвѣтахъ и долгожданной Смерти.

Нѣтъ, г-да Рудины—общаго и сквернаго смысла, вѣчная вамъ память и спите спокойно! Но не пробуйте выходить изъ могилъ. Осиновый колъ въ спину вгонимъ. И глубоко вколотимъ, повѣрьте. Что можно было отъ васъ взять,—взято. Больше—даромъ не нужно: Свое найдемъ. Рудинъ давно выросъ и забылъ объ изломѣ. Для чего-нибудь тѣ гибли.

П. Езерскій.

М. НЕЧИПАЙЛО-АНДРЕЕНКО. 915.

Цѣна 20 к.

На ст. жел дор. и въ провинціи 25 к.

